

1.

Эту историю мне рассказал дед Мохэй из нашей деревни, когда я был ещё ребёнком.

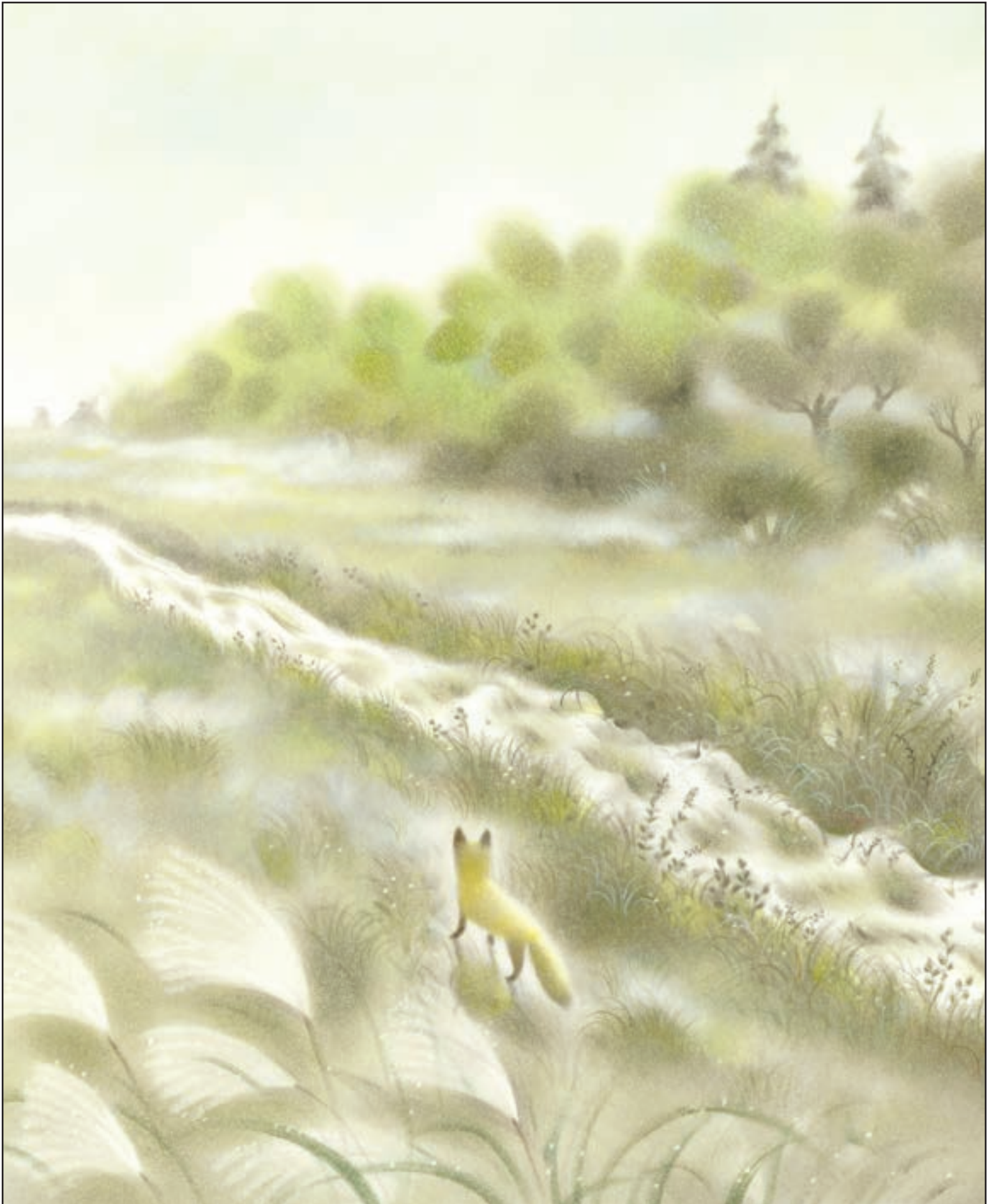
Когда-то давно в этих краях, в местечке под названием Накаяма, стоял небольшой замок, хозяином его был почтенный господин по имени Накаяма.

Чуть поодаль, в горах, жил лисёнок Гон. Жил он один-одинёшенек в норе среди зарослей папоротника. То и дело совершал Гон вылазки в деревню, бывало днём, а бывало и ночью, чтобы пошалить да позабавиться. То батат сладкий на поле выроет и разбросает вокруг, то подожжёт стручки рапса, что крестьяне сушат, то красный перец, который на заднем дворе висит, сорвёт и бросит прочь... Чего только не натворит.

Дело было осенью. Дождь зарядил дня на два, а то и на три без остановки, лисёнок на улицу и носа не мог высунуть. А как дождь прекратился, он вылез наконец из норы. Небо просветлело, а сорокопуты — пташки мелкие — трелями заливаются, только и слышно их *кин-кин*.

Гон добрался до запруды на реке возле деревни. На колосьях прибрежного мисканта блестели капельки дождя. Речушка, которая в иной день чуть не пересыхала, за три дождливых дня стала полноводной. Прежде вода не доходила до стеблей мисканта и кустов леспедецы, а нынче завалило их на бок, залило желтоватой водой. Лисёнок двинулся в сторону низовья реки по тропинке, которую размыло от дождя.

Вдруг он заметил, что в воде стоит человек и что-то делает. Гон забрался в густую траву, чтобы его не заметили, и стал наблюдать.

«Никак Хёдзю?» — подумал Гон.

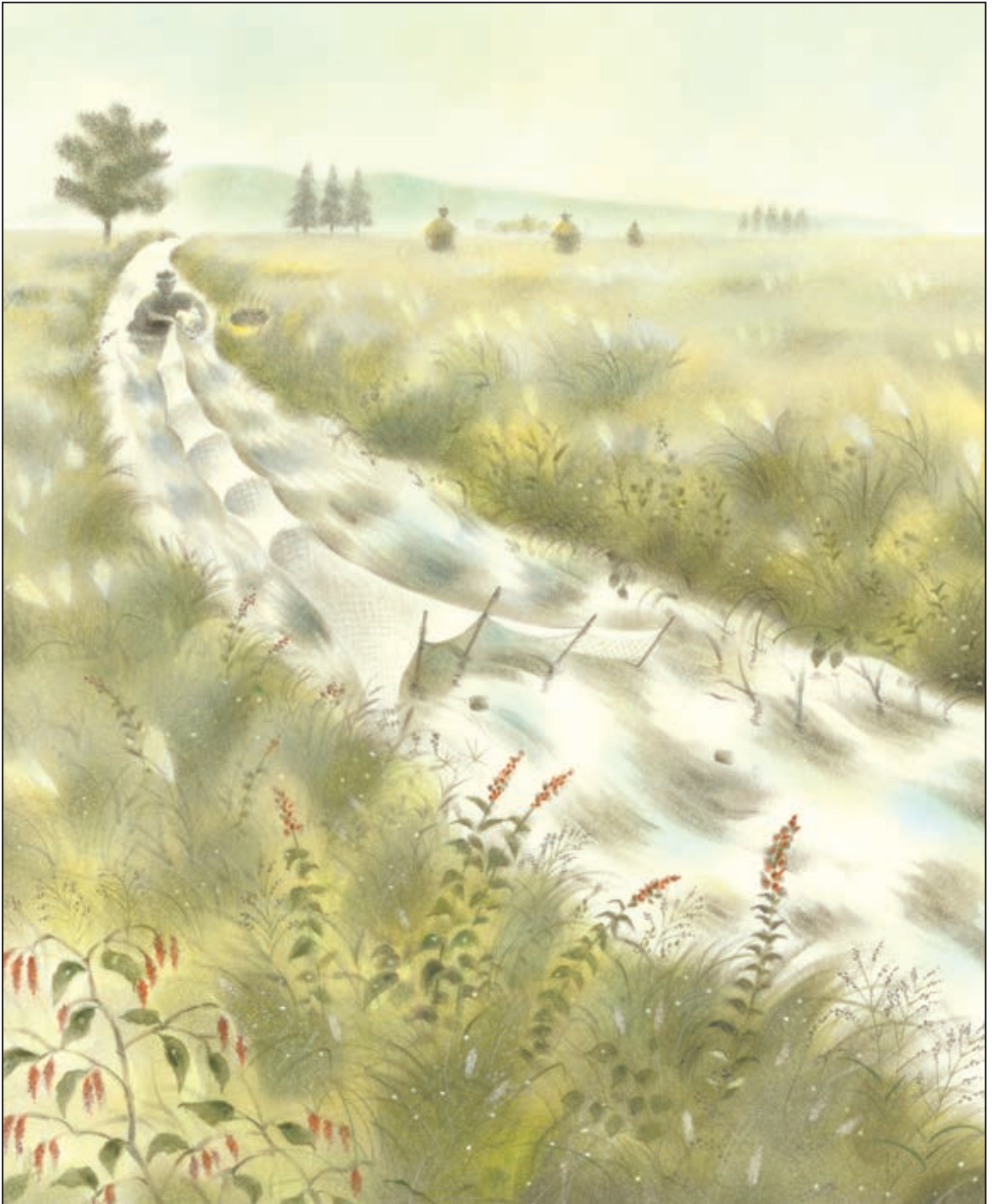
Хёдзю стоял по пояс в воде, подоткнув полы старого чёрного кимоно, и тряс сеть для рыбы.

На лбу у него была повязка — хатимаки, а к щеке, будто огромная чёрная бородавка, прилип листок леспедецы.

Через некоторое время Хёдзю вытащил из воды ловушку для рыбы, прикреплённую в середине сети. Внутри были корни, травяные стебли, потемневшие сучки, но среди всей этой гнили то тут, то там что-то белело и блестело. Гон разглядел брюшки толстых угрей и большой жирной силлаги.

Хёдзю пересыпал рыбу вместе с корнями и травой в корзинку. Ловушку он вновь завязал на конце и опустил в воду.

Взяв корзину, Хёдзю выбрался на берег, поставил её на насыпь, а сам пошёл вверх по течению, словно что-то разыскивая.

Как только Хёдзю исчез из виду,
Гон выпрыгнул из травы и подбежал к корзине.
Захотелось ему напроказить.
Он вытащил весь улов и принялся бросать
рыбин ниже раскинутой сети.
Рыба плюхалась и исчезала
в мутной жёлтой воде.

Под конец лисёнок хотел было схватить толстого угря, но тот оказался таким скользким, что никак не давался. Лисёнок рассердился, засунул голову в корзинку и прикусил угря.
А угорь раз — и обвил лисёнку шею.
Тут появился Хёдзю и закричал:

— Эй, рыжий вор!

Гон подпрыгнул от неожиданности. Хотел он бросить угря, но тот держит его за шею и не отцепляется. Пришлось так и бежать с угрём что есть мочи.

Под ольхой, неподалёку от норы, он наконец обернулся, но Хёдзю уже не было видно.

Теперь Гон мог перевести дух. Он откусил угрю голову и, освободившись, бросил его на траву возле норы.

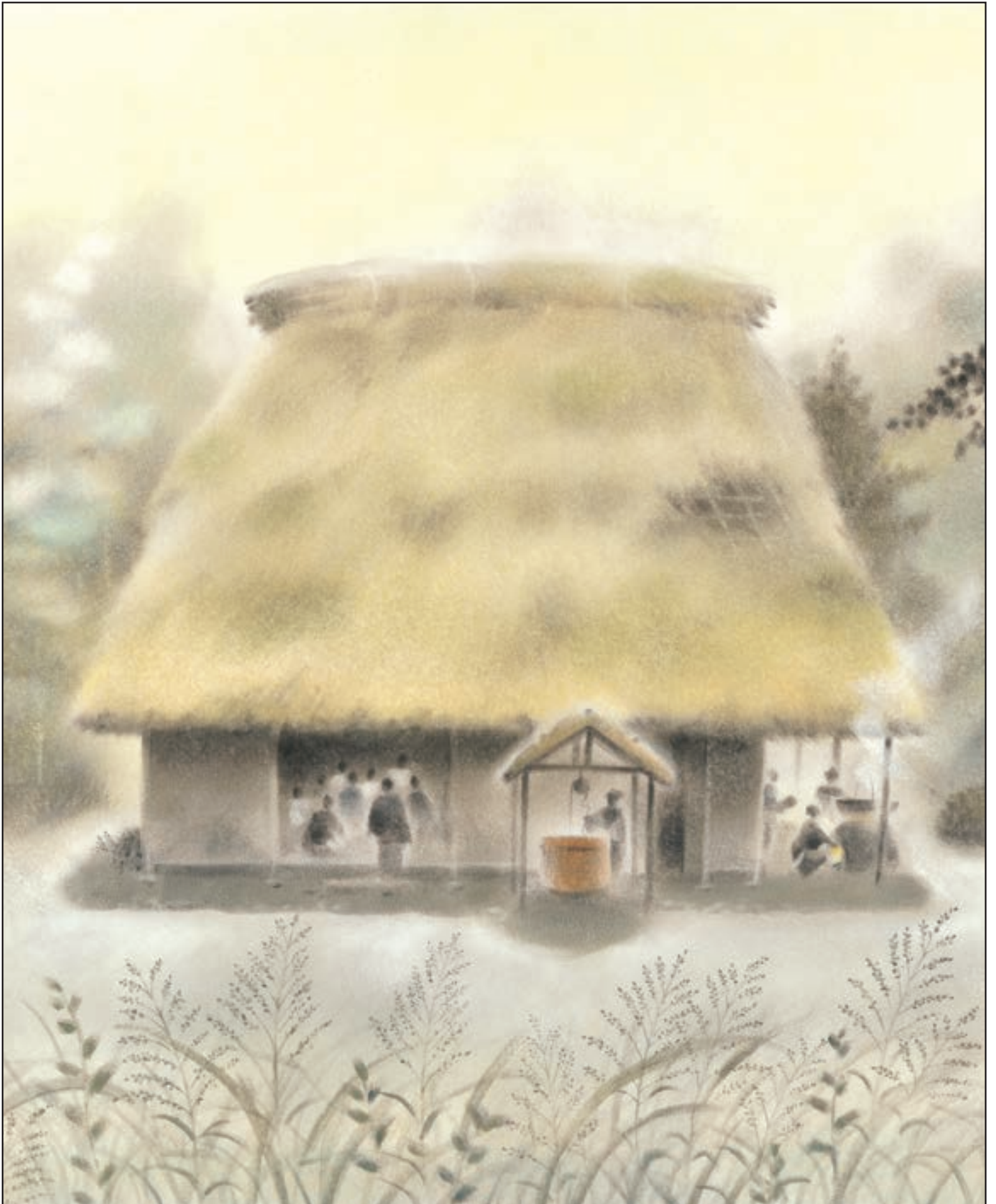
2.

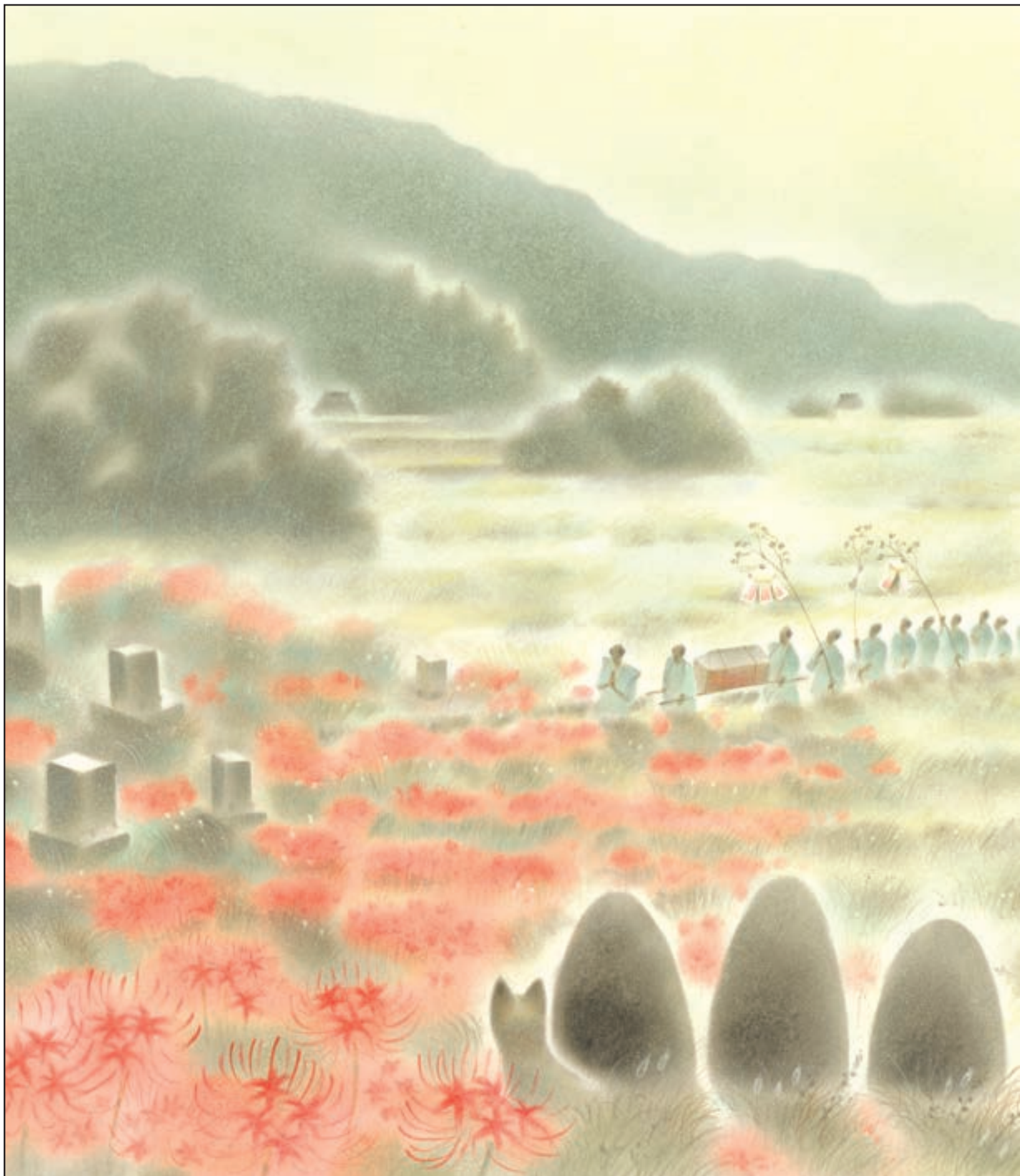
Прошло дней десять. Гон пробежал по двору Яскэ — местного крестьянина, когда увидел, что под фиговым деревом сидит жена Яскэ и чернит себе зубы. А на заднем дворе другого дома жена кузнеца Симбэя причёсывалась.

«Хм, что-то происходит в деревне, — подумал Гон. — Что же это такое? Может, осенний праздник? Хотя во время праздников играют на барабанах и флейтах, а возле синтоистского святилища ставят флаги».

С такими мыслями Гон оказался у дома Хёдзю, во дворе которого был колодец из красной глины. В этом маленьком покосившемся доме собралось много людей. Женщины в выходных кимоно, заткнув за пояс тэнугуи — хлопковые полотенца, сутились подле очага во дворе. В большом котле что-то булькало.

«Так здесь же похороны, — понял Гон, — может, кто из домашних Хёдзю преставился».

После полудня Гон отправился на деревенское кладбище и спрятался за статуей с шестью бодхисатвами Дзидзо. Стоял хороший день, на крыше замка вдали в солнечных лучах блестела черепица. На кладбище повсюду цвёл ликорис — казалось, что это красная ткань. И тут со стороны деревни донеслось *кан-кан*, это звонил колокол. Значит, похороны начались.

Наконец показалась вереница людей в белых кимоно. Вот уже и голоса стали слышны. Люди шли по кладбищу, и на земле оставались примятые цветы ликориса.

Гон чуть высунулся из укрытия. Хёдзю в белом одеянии — камисимо — нёс перед собой табличку с именем усопшего. Он всегда был таким румяным, как клубень красного батата, а сегодня выглядел совсем бледным.